ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

•

ИСТОРИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

•

В ШЕСТИ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

П. Н. ПОСПЕЛОВ (председатель),
Е. П. БУГАЕВ,
Л. Ф. ИЛЬИЧЕВ,
В. А. КАРПИНСКИЙ,
Д. М. КУКИН (зам. председателя),
И. И. МИНЦ,
И. Д. НАЗАРЕНКО,
Б. Н. ПОНОМАРЕВ

•

Б211 194

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ТОМ ВТОРОЙ

ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В БОРЬБЕ ЗА СВЕРЖЕНИЕ ЦАРИЗМА

1904—февраль 1917 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1966

сепаратного мира с Германией. Английский посол Бьюкенен и французский Палеолог стремились активизировать деятельность заговорщиков. Но русская буржуазия и здесь проявила трусость и нерешительность. Боязнь революционной вспышки сковывала заговорщиков, они все еще надеялись, припугнув Николая II, мирно заключить с ним сделку и за спиной народа пробраться к власти.

Однако соотношение классовых сил в стране не оставляло уже места для компромисса. Настало время открытой борьбы. Русская буржуазия, многими нитями связанная с монархией и как огня боявшаяся революции, не способна была на такую борьбу, но ее попытки дворцового переворота и оппозиционные маневры расшатывали царскую власть и вливались в общий исторический поток, подмывший и разрушивший трехсотлетнее здание романовской монархии. С одной стороны, рабочие боролись за хлеб, за мир, за настоящую свободу, а с другой, — объективно на помощь им пришла «борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К° *за смену* одного монарха *другим монархом*» [1], в интересах продолжения империалистической войны.

Царизм оказался в состоянии глухой изоляции. Страну охватил общенациональный кризис. В то время как «верхи» *не могли* больше управлять по-старому, теряли свои последние резервы и опорные пункты, «низы» *не хотели* больше жить по-старому, мириться с ужасами войны и преступлениями царизма. К началу 1917 года сложилась непосредственная революционная ситуация.

Но самодержавие не могло рухнуть само. Требовалась сила, которая способна была бы использовать создавшуюся ситуацию и отправить царизм в небытие. Такой силой явился российский пролетариат, закаленный и умудренный богатым опытом классовых битв. Это был самый революционный пролетариат, в среде которого были живы боевые традиции «пятого года».

В авангарде российского рабочего класса шел питерский пролетариат. К началу 1917 года он насчитывал около 400 тысяч человек [2]. Полицейские репрессии и мобилизации в армию нанесли немалый урон его пролетарской гвардии, но Петроград являлся важнейшим центром военной промышленности, и поэтому здесь в наибольшей степени сохранились довоенные кадровые рабочие. Они базировались на крупных предприятиях металлообрабатывающей, машиностроительной, судостроительной и электротехнической промышленности. Особенно много кадровых рабочих осталось на машиностроительных заводах Выборгской стороны («Новый Лесснер», «Айваз», «Старый Парвиайнен», «Старый Лесснер», «Розенкранц», «Феникс», «Эриксон» и др.), которая заслужила почетную славу большевистской крепости. Рабочие-правдисты, воспитанные большевиками, по-прежнему составляли боевой авангард пролетариата. Благодаря им сохранялись традиции и опыт революционной борьбы с самодержавием. Они находились в первых рядах нараставшей народной революции.

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 17.

[2] Всего в стране промышленного пролетариата тогда насчитывалось почти 3400 тысяч человек (*П. В. Волобуев.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году, М., 1964, стр. 18).

Пролетарский Петроград все громче подымал свой голос протеста против войны, против голода, против царизма. После некоторого затишья в ноябре — декабре 1916 года начало 1917 года ознаменовалось небывалым взлетом забастовочной волны. Резко возросло количество политических стачек: в январе по политическим причинам в столице бастовало более 80 процентов всех забастовщиков [1].

Движение быстро нарастало, причем впереди почти повсеместно шли металлисты. В центре событий находился Петроград. Здесь борьба сразу же приобрела огромный размах и особенно горячий накал. Всего в январе на предприятиях, подчиненных фабрично-заводской инспекции и горному надзору, бастовало 270 тысяч рабочих, из них в Петрограде — 177 тысяч. Петроград стал эпицентром революционного взрыва, вызвавшим гигантскую стачечную волну. Неудержимо разливаясь, она захватила почти все крупные рабочие районы страны.

Пролетариат требовал не только хлеба. Он боролся во имя свободы, во имя революции. Пролетарское движение сливалось со стихийным солдатским протестом против ужасов войны. Солдаты на фронте не хотели больше умирать за чуждые им интересы. Страшная усталость, частые поражения, постоянный недостаток снабжения, жестокость офицеров — все это до предела озлобило солдатские массы, расшатало дисциплину, вело к разложению армии. Усиливалось революционное брожение в деревне. Глубокое недовольство охватило широкие слои городского мелкобуржуазного населения. Революционный кризис быстрыми темпами развивался и в тылу и на фронте.

Меньшевистские историки описывают Февральскую революцию как такое движение масс, которое проторило себе дорогу независимо от тех или иных политических партий. «Ни одна партия, — утверждал меньшевик Н. Суханов, — не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувст-

[1] История рабочего класса Ленинграда, вып. II, Л., 1963, стр. 183.

вовали, «ощущали»...»[1] Меньшевики действительно «раздумывали». Ликвидаторы-оборонцы проводили открытую либерально-буржуазную политику в рабочем классе, стремясь привязать его к колеснице империализма. Центристы (Ф. И. Дан, Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели) во главе с ОК занимали колеблющуюся позицию, прикрывали «левыми» фразами оборонческую линию Потресовых и Гвоздевых. Небольшая группа меньшевиков-интернационалистов (Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов) не решалась на полный разрыв с оборонцами.

Шовинизм застилал глаза меньшевикам и эсерам, мешал им быть последовательными даже в осуществлении задач демократической революции. Борьбу с самодержавием они, как правило, неразрывно связывали с оборончеством[2], с соглашательством в отношении либеральной буржуазии, заботясь прежде всего о том, чтобы подталкивать ее к власти. Меньшевик М. И. Скобелев, выступая в декабре 1916 года в Государственной думе, призывал представителей буржуазии отказаться от «игры в парламентскую тактику» и обрушиться на власть, а мы вас, добавлял он, «в таких случаях всегда поддерживали и на этот раз не откажемся поддержать»[3]. Поддержка оппозиционной буржуазии оставалась главной задачей меньшевиков и эсеров.

Упорно готовила массы к решающим боям с самодержавием только партия большевиков, твердо стоявшая на позициях пролетарского интернационализма. Еще в конце 1915 года Ленин, указывая, что «теперь мы снова идем к революции»[4], определил очередные задачи партии. Вооруженные ленинской теорией революции, ленинской тактикой, большевики настойчиво боролись за гегемонию пролетариата в революции, за неурезанные лозунги.

Во время войны на партию обрушились жестокие репрессии. Многие организации были разгромлены, многие наиболее опытные работники находились в тюрьмах, ссылках, в эмиграции. Однако никакой полицейский террор не в состоянии был сломить волю большевиков к борьбе. Из гущи рабочего класса они черпали новые силы. К началу 1917 года партия насчиты-

[1] *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 1, Берлин — Пг. — М., 1922, стр. 19.

[2] «Непримиримая борьба с правительством, — пишет в своих воспоминаниях видный эсер Зензинов, — казалась нам одной из очередных и бесспорных задач — наряду с призывами к обороне родины и даже во имя этой обороны» (*В. Зензинов.* Февральские дни. — «Новый журнал», кн. XXXIV, Нью-Йорк, 1953, стр. 191).

[3] Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V, [1916 г.], стб. 1188.

[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 79.

вала в своих рядах примерно 24 тысячи человек[1]. Наиболее крупной была петроградская организация — около 2 тысяч членов, московская имела около 600 членов, уральские — 500, екатеринославская — около 400, нижегородская — свыше 300, ростово-нахичеванская — 170, тверская — 120—150, иваново-вознесенская — 150—200, харьковская — 200, самарская — около 150, киевская — 200, макеевская — 180—200 человек. Это были немногочисленные, но закаленные организации, которые неослабно работали в массах.

В отличие от меньшевиков и эсеров, которые находились в состоянии идейного и организационного разброда и распались на различные автономные группы, большевикам удалось восстановить свою организацию во всероссийском масштабе при наличии единого центра в лице Русского бюро ЦК. «Можно сказать, — писал А. Г. Шляпников Ленину в первой половине февраля 1917 года, — что Всероссийская организация в данное время есть только у нас»[2].

В ноябре 1916 года Бюро ЦК в обновленном составе (А. Г. Шляпников, П. А. Залуцкий, В. М. Молотов) вновь развернуло активную деятельность. Его штаб-квартира находилась в Выборгском районе Петрограда, в доме, где жил рабочий Д. А. Павлов. Здесь проходили заседания Бюро, на которых присутствовали члены исполнительной комиссии Петербургского комитета. Несмотря на огромные трудности, Бюро ЦК поддерживало контакт с Лениным, с заграничной частью ЦК и руководствовалось ленинскими тактическими установками[3].

Бюро ЦК прежде всего опиралось на петроградскую партийную организацию. Тесные и постоянные контакты у него имелись с московскими большевиками. К началу 1917 года связи с местами значительно расширились. Они устанавливаются с Иваново-Вознесенском, Тверью, Тулой, Нижним Новгородом, Самарой, Киевом, Харьковом, Воронежем, Казанью, Донбассом, с отдельными партийными организациями Прибалтики и Урала.

Бюро ЦК создало сеть разъездных агентов. Агент ЦК Ю. Х. Лутовинов побывал в Екатеринославе, Донбассе, Харькове; И. С. Гаевский — в Москве, Киеве, Ростове-на-Дону, Баку; Н. Г. Толмачев выезжал на Урал. Кроме того,

[1] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, вып. 4, М., 1923, стр. 32.

[2] «Вопросы истории КПСС», 1965, № 9, стр. 81.

[3] Петроградская охранка в 1916 году доносила, что при посредстве Русского бюро ЦК «шла транспортировка нелегальной литературы из-за границы и получались, хотя и с большим опозданием, руководящие указания от находящихся за границей лидеров большевизма» («Исторический архив», 1958, № 1, стр. 219).

А. Г. Шляпников посетил Москву, Нижний Новгород и Сормово, а С. И. Гопнер (по поручению Ленина прибывшая в Россию) объездила Донецкий бассейн.

В январе — феврале 1917 года Бюро ЦК выпустило два номера «Осведомительного листка». Они информировали местных работников о состоянии партийной работы и рабочего движения и также способствовали налаживанию контактов между центром и партийными организациями.

Даже в самые тяжелые времена большевистская партия оставалась сильнейшей партией революционного подполья, сохранявшей глубокие корни в толще пролетариата. И когда в феврале 1917 года грянула революционная буря, большевики были с массами и во главе их, показав себя бесстрашными руководителями революционных боев, решивших судьбу монархии.

От стачек — к массовой уличной борьбе

В начале 1917 года стачечная борьба стала приобретать всеобщий характер и сочетаться с мощными политическими демонстрациями. Революция нарастала необычайно быстро, со стихийной силой. Известно, что «стихийные взрывы при нарастании революции неизбежны» [1]. Таким могучим взрывом и явились февральские события. Но в их стремительном развитии сказалась сила не только разбуженной стихии, но и неуклонно возраставших элементов сознательности и организованности. Они определялись и богатейшим революционным опытом передовых слоев пролетариата, и всей предшествующей работой партии, которая подготовила массы к восприятию революционных лозунгов, и энергичной, самоотверженной деятельностью большевиков в эти бурные дни.

Большевистские организации не всегда поспевали за ходом движения, но они давали ему революционные лозунги, вносили организованность, указывали перспективы, сплачивали боевой союз рабочих и солдат. В конце 1916 года Русское бюро ЦК предложило Петербургскому комитету и Московскому областному бюро обсудить вопрос об организации уличных выступлений и всеобщей стачки. Это предложение ориентировало на переход от разрозненных стачек экономического характера и случайных политических выступлений к массовой политической борьбе, вовлекающей в революционное движение солдатскую массу и нацеленной на вооруженное восстание.

Большевистские организации обеих столиц решили приурочить переход к уличным действиям к 9 января 1917 года — дню годовщины Кровавого воскресенья. Царские власти попытались

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 393.

сорвать намеченное выступление. В Петрограде полиция захватила подпольные типографии Петербургского комитета и арестовала почти всех его членов. В Москве также проводились массовые обыски и аресты. В Нижнем Новгороде рабочие районы были наводнены войсками. Но это не остановило большевиков. Они развернули энергичную работу в массах, призывая пролетариев отметить годовщину Кровавого воскресенья всеобщей стачкой и демонстрациями. На многих питерских заводах, в том числе Путиловском и Обуховском, состоялись митинги. В 11 городах большевики издали 24 листовки — их выпустили Московский, Екатеринославский, Донецкий, Ростово-Нахичеванский, Харьковский, Северо-Балтийский комитеты, большевики Твери, Одессы и других организаций. В листовке Московского комитета говорилось: «Предатели рабочего дела, гвоздевцы, зовут и нас... под знамена буржуазии. Нет, конец войне и всем насилиям положит только революционное выступление рабочего класса под своим, под красным знаменем социализма... Нужно вырвать власть из рук царского правительства и передать ее в руки правительству, созданному революцией...» [1] По призыву МК свыше 30 тысяч рабочих прекратили работу и вышли на улицу. На площадях состоялись многолюдные демонстрации. 9 Января был отмечен стачками и демонстрациями в Харькове, Ростове-на-Дону, Донбассе, Новочеркасске и в ряде других мест.

Особенно бурно прошел этот день в Петрограде. Политическая стачка питерских рабочих 9 января была самой крупной за время войны. На Выборгской стороне и в Невском районе она носила всеобщий характер. Впервые за время войны в политической стачке приняли участие рабочие казенных военных предприятий — Обуховского завода и Арсенала. Всего в стачке участвовало около 145 тысяч рабочих. В ряде мест стачка сопровождалась митингами и демонстрациями. Исполнительная комиссия Петербургского комитета сообщала в Бюро ЦК: «Успешное проведение выступлений 9 января очень подняло дух масс. Настроение на заводах очень бодрое, политически сознательное и открывает широкие революционные возможности» [2].

Весь январь в Петрограде был отмечен непрерывными стачками, имевшими в основном политический характер. Столица стала ареной не прекращающихся почти ни на один день выступлений пролетарских масс, направленных против войны и самодержавия.

[1] Листовки московской организации большевиков. 1914—1925 гг., М., 1954, стр. 24.

[2] «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 265—266.

Царское правительство приняло чрезвычайные меры для предотвращения революции. Был разработан план охраны Петрограда на случай «народных волнений». Город был разбит на шесть отделений во главе с полицмейстерами. Каждое отделение делилось на районы, которые распределялись между полками столичного гарнизона и полицейскими участками. Полицейские вооружались пулеметами. Петроградский военный округ был выделен из состава Северного фронта, а командующий округом генерал Хабалов получил широкие полномочия.

Если царское правительство готовило пулеметы и полицию, то буржуазия, со своей стороны, предприняла меры, чтобы потушить разгоравшийся революционный пожар. 10 февраля Родзянко направил очередное послание Николаю II, умоляя его продлить полномочия Государственной думы и произвести изменения в составе правительства [1].

На помощь либералам поспешили меньшевики-оборонцы. Учитывая боевое настроение масс, они попытались направить разрастающееся движение в мирное русло либеральной политики, подчинить революционную энергию пролетариата интересам буржуазии. Рабочая группа Военно-промышленного комитета призвала питерский пролетариат 14 февраля в день открытия сессии Государственной думы двинуться к Таврическому дворцу и в знак «солидарности» с Думой поддержать требования буржуазной оппозиции.

Большевики разоблачили этот маневр соглашателей. Бюро ЦК предложило партийным организациям выступить против шествия к Государственной думе и в противовес ему провести однодневную стачку протеста в связи со второй годовщиной суда над большевистскими депутатами Думы. Вновь восстановленный Петербургский комитет выпустил листовку [2], в которой указывалось, что хождение к дворцам ничего не может дать народу. «Нетрудно разглядеть, — говорилось в листовке, — что ничего нового Государственная дума делать не собирается, но еще раз не прочь думские либералы помахать кулаками за спиной поднявших голову рабочих» [3].

[1] *А. Блок.* Последние дни императорской власти, Пг., 1921, стр. 158—166.

[2] Петербургский комитет еще не успел после ряда провалов восстановить собственную типографию, но ему удалось наладить связь с типографией газеты «Биржевые ведомости» и отпечатать листовку тиражом 12 тысяч экземпляров (*М. Г. Флеер.* Петербургский комитет большевиков в годы войны 1914—1917, Л., стр. 145).

[3] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. II, [Л.], 1939, стр. 244.

Петербургский комитет призвал питерский пролетариат однодневной стачкой продемонстрировать свою готовность бороться за лозунги, которые «открыто звучали в устах наших сосланных депутатов». Выступление растянулось на несколько дней и достигло своей высшей точки 14 февраля. В этот день бросили работу 90 тысяч рабочих 58 предприятий Петрограда. Трудящиеся Выборгской стороны и Нарвской заставы вышли на улицы с революционными песнями, путиловцы несли знамена с лозунгами «Долой войну!», «Долой правительство!», «Да здравствует республика!». Демонстранты прорывались на Невский, сметая на своем пути полицейские заслоны. Несколько раз делались попытки арестовывать демонстрантов, но толпа яростно отбивала их.

Зато около Таврического дворца было тихо. Рабочие не пошли на поклон к думским либералам. По признанию Родзянко, Дума была обречена «на роль чуть ли не пассивного зрителя» [1]. Затея оборонцев потерпела провал.

События 14 февраля показали, что рабочие все более решительно отвергают соглашательскую политику и поддерживают революционные лозунги большевиков. «Эта кампания, — вспоминает один из руководителей петроградских большевиков И. Д. Чугурин, — прошла удачно... Наш призыв не идти к Государственной думе, а идти на Невский был массами учтен». Отсюда был сделан вывод, что массы готовы «пойти за нами» [2].

Указанные события бросили яркий свет и на позицию тех меньшевистских и «внефракционных» группок, которые претендовали на определенную роль в революционном подполье. «Инициативная группа», объединявшая представителей левого интернационалистского крыла петроградских меньшевиков, сначала выпустила листок, в котором осудила затею гвоздевцев, но потом заколебалась, аннулировала его и по существу капитулировала перед оборонцами. «Инициативная группа» отказывалась звать пролетариат «на открытое массовое выступление», предлагая ждать и «собирать свои силы» [3]. Такие же нотки неуверенности и колебаний сказались, хотя и в меньшей степени, в резолюции «межрайонки» [4]. Сетуя на то, что «рабочий класс не вполне организован», а партия, по ее мнению,

[1] *М. В. Родзянко.* Крушение империи, Л., 1927, стр. 223.

[2] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 74, лл. 27—28.

[3] «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 277.

[4] «Межрайонка», или междурайонный комитет, — небольшая социал-демократическая организация, возникшая в Петербурге в 1913 году. В нее входили вместе с левыми меньшевиками-интернационалистами главным образом отошедшие от партии большевики-примиренцы. Вскоре